

Człowiek i jego dzieło

Человек и его дело

Вячеслав П. Шестаков

Беседы с Алексеем Федоровичем Лосевым

Rozmowy z Aleksym Fiodorowiczem Łosiewem

Настало время рассказать о моих отношениях с Алексеем Федоровичем Лосевым (1893–1988). Несомненно, он является одним из выдающихся мыслителей XX века, который по масштабам своего творчества и глубине мысли может сравниться с такими русскими философами, как Николай Бердяев и Сергей Булгаков. Мне посчастливилось встречаться с ним, работать и в течение многих лет дружить. Об этих встречах хотелось бы рассказать.

Впервые я встретился с ним в 1956 году, когда я еще был студентом. О Лосеве я узнал из рецензии на его работу «Олимпийская мифология в ее социально-политическом развитии», опубликованной в газете «Советская культура». Рецензия была не только положительная, но и восторженная, занимала весь газетный подвал. Я достал ежегодник Педагогического института, где была опубликована работа Лосева, и залпом прочел ее. Было видно, что это была оригинальная работа, в основе которой была интересная концептуальная модель. Лосев доказывал, что древнегреческая мифология была в основе своей родовой общиной, опрокинутой на природу и космос. Несмотря на то, что в этой концепции было многое от Дюркгейма, она казалась свежей и методологически обоснованной, непохожей на эмпирические описания классических филологов.

В то время я готовился к написанию своей дипломной работы «Маркс и античность» и меня интересовала роль античного мифа в античной культуре. Поэтому я отважился на то, чтобы встретиться с Алексеем Федоровичем без всяких рекомендаций и звонков. Да и кто мог помочь мне, молодому студенту. В результате я пошел в Пединститут, где в коридоре встретил высоко-

го старика, в черной академической шапочке на голове, с орлиным носом – это и был Лосев. Поначалу он встретил меня настороженно и неприветливо, но, узнав, что я студент В.Ф. Асмуса, он несколько оттаял. В конце концов, он пригласил меня к себе домой в арбатскую квартиру, прямо напротив Вахтанговского театра. С тех пор мои посещения этого дома стали более или менее регулярными. Позднее я переехал на улицу Мясковского и стал соседом Алексея Федоровича, мне требовалось менее пяти минут ходьбы до его жилища. Поэтому мои посещения Алексея Федоровича стали регулярными, и это позволило мне узнать многое о его философских взглядах.

При моих посещениях арбатской квартиры Лосев рассказывал мне о своей жизни. Он родился 23 сентября 1893 года в большом казацком селе на Кубани. Его отец был учителем гимназии, но увлекался музыкой, играл на скрипке и руководил казачьим хором. Очевидно, отец привил сыну любовь к музыке. Молодой Лосев тоже хотел стать музыкантом, как и отец, он занимался игрой на скрипке. Но отец рано ушел из семьи, и воспитание сына взяла на себя мать. Она переехала в Новочеркасск, где сдавала дом в наем. Окончив гимназию в Новочеркасске, Алексей в 1911 году приехал в Москву, где поселился в общежитии на Красной Пресне. За 16 рублей он снимал отдельную комнату, хотя столовая была общей с другими квартирантами. Он поступил в Московский университет сразу на два отделения – философское, где он занимался под руководством профессора Челпанова, и на классическое, где он изучал античную литературу. Впоследствии владение двумя сферами научного знания позволяло Лосеву быть амфибией, выживать в разных условиях существования. В Москве Лосев продолжал занятия музыкой, но ухудшающееся зрение не позволило ему заниматься скрипкой. В конце концов, он все свое время посвятил философии и филологии. В 1915 году он окончил университет, защитив диплом на тему «Мировоззрение Эсхила».

Еще будучи студентом первого курса, Лосев стал посещать заседания Религиозно-философского общества Владимира Соловьева, получив разрешение на эти посещения от своего профессора Челпанова, правда, только на правах слушателя, без права выступлений. В этих заседаниях принимал участие Н. Бердяев, С. Булгаков, Ф. Степун, В. Иванов, И. Ильин, С. Франк. «Многих я знал, – говорил мне Лосев, – но потом порвал с ними. Даже держать их произведения в библиотеке было опасно».

В 1916 году была опубликована первая работа Лосева – «Эрос у Платона», в сборнике, посвященном его учителю Г.И. Челпанову. Это была классическая тема для русского философского идеализма. Наряду с этим Лосев занимается изучением русской философской традиции. Результатом явилась статья «Русская философия», которая появилась на немецком языке в швейцарском журнале «Русланд» в 1919 году. К этой теме Лосев возвращается в начале 1940 года, когда он пишет статью «Основные особенности

русской философии», а затем в своих поздних работах, посвященных Владимиру Соловьеву – «Вл. Соловьев» (1983), «Владимир Соловьев и его время» (1990). Обширны высказывания о русских мыслителях начала XX века содержатся в послесловии Лосева к книге А. Хюбшера «Мыслители нашего времени» (1962), апокалипсическое название которой – «Гибель буржуазной культуры и ее философии» – продиктовано атмосферой идеологической борьбы того времени. Эта статья поразила своим нигилистическим пафосом В.Ф. Асмуса, о чем вспоминает в своих воспоминаниях В.В. Соколов.

Алексей Федорович в своих рассказах о русских мыслителях давал их живописные портреты, порой сохраняя интонации и обороты речи описываемых им персонажей. Особенно часто он рассказывал о Федоре Степуне: «Он был одновременно и аристократом, и актером. Полурусский, полунемец, он казался мне красавцем и был действительно прекрасно образован, и замечательно говорил. Я не знаю никого, кто бы умел так замечательно говорить. Это был один из немногочисленных мыслителей-ораторов». Степун восхищал Лосева не только умением ораторствовать, но и способностью талантливо мыслить и писать. Он высоко отзывался о книге Степуна о сути трагизма, о его глубоком знании немецкого романтизма.

Большой интерес у Лосева в его молодости вызывали личность и книги Василия Розанова. Правда, его отношение к писателю было двойственным: с одной стороны, его восхищали писательский талант Розанова, афористичность его мышления, а с другой он не мог принять его нигилизм и цинизм. Лосев нарисовал мне следующий портрет Розанова: «Я знаю только трех европейских мыслителей, которые могли так анархически размышлять. Это – Уайльд, Ницше и Розанов. Причем, последний из них – самый талантливый. Это был человек, который все понимает, но ни во что не верит. Я помню его книги – *Темный лик*, *Люди лунного света*. В них были такие серьезные возражения против христианства, которые и не снились ни одному нашему антирелигиознику. И, вместе с тем, он глубоко писал о религии. Об античности Розанов говорил, что она пропитана запахом мужского семени. В своих книгах он не стеснялся при всех штаны снимать. Когда я спросил у Павла Флоренского, кого из русских мыслителей он ценит более всего, он назвал Вячеслава Иванова и Василия Розанова. Хочешь знать, что такое Розанов? Это красивая медуза. В воде она сверкает всеми цветами радуги, а вытащишь на берег – одна слизь».

Эти отношения любви и ненависти, притяжения и неприятия Лосев выразил и в послесловии к книге Хюбшера. «В те годы мало кто понимал Василия Розанова, поскольку этот человек сам все сделал для того, чтобы никто не понял его собственной сущности. Василий Розанов был черносотенный политикан, верующий во все религии и, собственно говоря, ни в одну из них. Мистик и атеист, одновременно и невероятный циник и часто порнограф.

Этот человек превращал все великие культуры прошлого только в ряд своих изысканий и острейших ощущений, просто смакуя все святое и несвятое как вкусное блюдо... А главное, мировая литература, не исключая Уайльда, не исключая даже Ницше, не исключая даже Достоевского, еще никогда не рисовала и личного, и общественного бытия в таком анархическом самоотрицании, в такой близости к мировой катастрофе, как это выходило под пером Василия Розанова»¹.

Изощренно критикуя Розанова, объявляя его черносотенцем и порнографом, Лосев, очевидно, испытывал симпатию к писателю. Он не раз говорил, что хотел бы написать о нем книгу, но так и не решился этого сделать.

Вспоминал Лосев часто и Павла Флоренского, которого он высоко ценил и как философа, и как теолога. В первые годы после революции 1905 года он читал публичные лекции. «Тихим и едва слышным голосом, с вечно опущенными вниз глазами, он вещал, что ничего не должно оставаться на прежнем месте, что все должно терять свое оформление и свои закономерности, что все существующее должно быть доведено до окончательного распада, распыления, что покамест все старое не превратится в чистый хаос и не будет истерто в порошок, до той поры нельзя говорить о появлении новых и устойчивых ценностей. Я сам слышал эти жуткие доклады и теперь прекрасно отдаю себе отчет в их полной исторической обоснованности»².

Лосев высоко ценил труд Флоренского «Столп и утверждение истины». В своей книге «Античный космос и современная наука» он писал, что Флоренский вскрыл «мировую перво-среду», лежащую в основе греческой философии.

На заседаниях Религиозно-философского общества Лосев познакомился со знаменитым поэтом-символистом Вячеславом Ивановым. Здесь в 1911 году он слушал его доклад «О границах искусства», который позднее вошел в его книгу «Борозды и межи». Позднее Лосев неоднократно обращался к этой работе Иванова, сравнивал его идеи с «Рождением трагедии из духа музыки» Фридриха Ницше. Он говорил, что Иванов перенес идеи Ницше об «аполлинийском» и «дионисическом» начале из аттической трагедии на общехудожественную область. Со своей стороны, Вячеслав Иванов обратил внимание на молодого студента, занимающегося классической филологией и философией. Он читал дипломную работу молодого Лосева «Мировоззрение Эсхила» и дал ей положительную оценку.

В конце концов, как рассказывал Лосев, он получил право на выступление в Религиозно-философском обществе. Здесь он сделал доклад о диалогах Платона «Парменид» и «Тимей». Таким образом, он был не только

¹ А.Ф. Лосев, Предисловие к книге А. Хюбшеры, Мыслители нашего времени, М., 1962, с. 316–318.

² Там же, с. 317.

пассивным свидетелем деятельности русской религиозно-философской интеллигенции, но и активным участником тогдашнего процесса религиозно-философского возрождения.

Огромное влияние на Лосева оказали работы Владимира Соловьева, которого он считал самым крупным русским философом. Разработанный Соловьевым принцип «всеединства» Лосев пытался сам использовать в своих работах.

Первой публикацией А.Ф. Лосева как я уже говорил, была статья «Эрос у Платона». Но главные и наиболее значительные его работы были написаны в 20-х годах. Я особенно ценю три его книги – «Музыка как предмет логики», «Диалектика художественной формы», «Очерки античного символизма и мифологии». Все они были изданы в таинственном «Издательстве автора», которым на самом деле было издательство «Учпедгиз». Этот секрет Алексей Федорович раскрыл мне при наших беседах. Лосев в статье, написанном им самим, для третьего тома «Философской Энциклопедии», характеризуя свои философские позиции этого времени, писал: «В 20-х гг. пытался сочетать элементы неоплатонизма с диалектикой Гегеля и феноменологией Гуссерля. В дальнейшем, в 30–40 гг. переходит на позиции марксизма».

Действительно, неоплатонический элемент занимает важное место в работах А.Ф. Лосева. Он постоянно обращался к сложному понятийному аппарату неоплатонической философии, и, прежде всего, к понятию «эйдос». Именно поэтому у него философское познание органически проявляется в художественной форме, гносеология перерастает в эстетику. Гегеля Лосев прекрасно знал, и мог по памяти цитировать его «Логику» или «Феноменологию духа». С работами Гуссерля Лосев ознакомился, будучи студентом Московского университета. В последующем интерес к феноменологии проявился в исследованиях Лосевым философской и эстетической терминологии. Что касается марксизма, то трудно сказать, относился ли он к нему серьезно, либо использовал марксистские цитаты для адаптации к советской действительности. Думаю, что Лосев пытался найти в марксизме объяснение некоторых исторических и социальных процессов. Порой, правда, марксизм Лосева нес окраску социологии Дюркгейма. В этом Лосев шел иным путем, чем, скажем, Николай Бердяев. Последний увлекался марксизмом на раннем этапе своего творчества, но затем решительно от него отказался, хотя, по собственному признанию, он никогда до конца не мог преодолеть его влияния. Лосев, напротив, в молодости был совершенно далек от марксизма и проявил к нему интерес только в зрелый период своего творчества.

Надо сказать, что время, когда я встретил Лосева, не было самым легким периодом его жизни. После лет, проведенных в ГУЛАГЕ, он был отлучен от философии. Ему позволялось заниматься только античной мифологией

и литературой. В 1943 году его и П.С. Попова для укрепления логики пригласили на философский факультет, но через несколько месяцев Лосев был уволен.

У Лосева были два могущественных врага, с которыми ему было трудно бороться. Во-первых, это был Максим Горький, который подверг критике работы Лосева в своей статье «О земле». Во-вторых, это был Каганович, который с трибуны XVI съезда партии, процитировав Лосева, долго махал кулаками в сторону «недобитых идеалистов». Компания против Лосева поддержал Деборин, написавший статью «Вольный стрелок Лосев». После этого все издательства отказывались печатать работы Лосева и, фактически, до 1953 года он был обречен на молчание.

Но после смерти Сталина и хрущевской оттепели положение дел в стране стало постепенно меняться. Я уже говорил, что впервые после высылки Лосев стал печатать статьи на философские темы в «Философской Энциклопедии». Я был инициатором приглашения Лосева в редакцию, меня поддерживали А. Спиркин и З. Каменский. Правда, Ф.В. Константинов страшно гневался, встречая имя Лосева в энциклопедии, и устлавал нам в редакции истерические разносы. Но все мы защищали Лосева как могли. О трудностях, с которыми мы сталкивались, я уже рассказывал на примере статьи Лосева «Диалектическая логика», получившей по условиям конкурса первую премию, но так и не опубликованной.

Особенно удавались Лосеву статьи о сложных философских категориях. К нему обращались за помощью тогда, когда никто уже не мог написать обстоятельной статьи на эту тему. К тому же Лосев был не только автором, но и консультантом. Он легко ориентировался в море научной литературы, хорошо знал и использовал зарубежные философские и филологические справочники. Этой способности обязано быстрое написание десяти солидных томов по античной эстетике. Правда, эстетику в этих работах Лосев отождествлял с онтологией, и поэтому история античной эстетики была, собственно говоря, историей античной философии.

Под руководством Асмуса я в 1957 году успешно защитил дипломную работу на тему «Маркс о характере художественного освоения в античном обществе». В этой работе я стремился проследить эволюцию воззрений на античность в европейской культуре – от И.И. Винкельмана до современных концепций философии истории. В этой работе я ссылался на работы 30-х годов А.Ф. Лосева, что вызвало переполох на кафедре истории европейской философии, руководимой Теодором Ильичем Ойзерманом. Насколько я знаю, это была первая в советское время попытка реабилитации Лосева. Но Асмус меня поддержал, и работа была защищена успешно.

Алексей Федорович тоже написал на восьми печатных страницах положительный отзыв на мою дипломную работу, который я сохранил до сих пор. В нем он писал: «У В.П. Шестакова уже намечается умение

оперировать с трудными философскими текстами и критически относиться к философским понятиям. Так, его сознательное отношение к фетишизму, начиная от первобытного и кончая товарным фетишизмом нового времени, свидетельствует и о критицизме автора и даже об его талантливости в понимании трудных философских понятий». Статья была подписана: А. Лосев, доктор филологических наук. Действительно, находясь на философском факультете, Алексей Федорович получил степень доктора, но не философии, а филологии. В своем отзыве Лосев, очевидно, почувствовал мой интерес к философским и эстетическим категориям, которыми сам он прекрасно владел. Через 8 лет в издательстве «Искусство» мы издали с ним совместную работу «История эстетических категорий», которая, как меня уверяют, до сих пор не утратила своего значения.

Как издательский работник, я имел широкие связи с другими издательствами, в которые я предлагал работы Алексея Федоровича. Одна из них вышла в 1960 в издательстве «Музыка» – «Античная музыкальная эстетика». Это была первая работа по античной эстетике. Затем мой однокурсник Юра Бородай, поступивший в только открывшееся издательство «Высшая школа», опубликовал книгу Лосева «Античная эстетика». Вслед за тем издательство «Искусство» открыло серию книг под этим названием. Алексей Федорович много и плодотворно работал, получая компенсацию за вынужденное многолетнее молчание.

В 1964 году я заключил с издательством «Искусство» договор на книгу о категориях эстетики. Мне не хотелось банально называть эту книгу, и я предложил название, отвечающее моему замыслу – «История эстетики в категориях». Но заведующий редакцией эстетики отверг это название, как слишком сложное и непривычное. Пришлось назвать ее банально – «История эстетических категорий». До сих пор ругаю себя за то, что я его послушался.

Я уже написал большую часть книги, когда столкнулся со сложностями в определении ряда категорий. Я поделился о своих проблемах с Алексеем Федоровичем и сказал, памятуя об его интересе к категориям, что был бы рад, если бы он принял участие в этой книге. К моей радости, он легко и быстро согласился. С этого момента началась увлекательная работа над текстом. Мы работали так. Я приносил часть написанного текста и говорил о том, что вызывает трудности. Алексей Федорович короткое время думал, а затем начинал диктовать. В особенности ему удавалась дефиниции категорий. Так писалась эта книга. Она довольно быстро была издана и переведена на несколько языков. Думаю, что из обильной эстетической литературы, изданной в 60–80-ых годах, которая чаще всего носила идеологический характер, эта книга сохранила свое значение, так как она раскрывала логику формирования эстетического знания и не имела никакого отношения к идеологии.

Так начался постепенный выход А.Ф. Лосева из вынужденного подполья, в котором он находился около четверти века. Несомненно, Лосев – одна из трагических фигур русской философской мысли XX века. Он сформировался как личность и как мыслитель, который, по выражению Николая Бердяева, является «серебряным веком» в истории русской духовной культуры. Он лично встречался и был знаком со многими представителями этой культуры – Л. Лопатиным, Г. Челпановым, Н. Бердяевым, Ф. Степуным, И. Ивановым, Г. Шпетом. Традиции философии этой эпохи Лосев пронес через длительный период господства в нашей стране тоталитарной идеологии. Он не попал на «философский пароход», на высылку русской интеллигенции, организованной Лениным в 1922 году. Наверное, не хватило на нем ему места. Он пережил все тяжести сталинизма, включая заключение и высылку на строительство Беломоро-Балтийского канала, а затем все трудности военного времени. Немецкая бомба попала в его дом у арбатского метро, и часть его библиотеки, которой он дорожил, сгорела. Паровой каток сталинизма пытался раздавить всякую неортодоксальную мысль, в сталинских лагерях погибли многие выдающиеся мыслители, такие, как Г. Шпет, А. Жураковский, П. Флоренский, Л. Карсавин. Лосев, пройдя через сталинские лагеря, остался жив, на опыт ГУЛАГА нанес ему тяжелую травму, отложил отпечаток на всю его последующую жизнь.

Об этом свидетельствует следующая история, которой я был очевидцем. При наших встречах Лосев увлекательно рассказывал о прошлом, о своих встречах с людьми, которые для меня казались глубокой историей. Я много раз предлагал Алексею Федоровичу записать свои воспоминания, но он постоянно отшучивался, говорил, что пока он пишет свои книги, у него нет ни времени, ни желания писать мемуары. Однажды я подарил ему «Диалоги» Стравинского, записанные его секретарем. Эта книга очень понравилась Лосеву и он, наконец, принял решение записать свои воспоминания с моей помощью. Я должен был выполнять роль секретаря. Чтобы облегчить работу и сделать ее максимально достоверной и документальной, я принес на следующую нашу встречу маленький магнитофон и сказал, что теперь будем записывать наши диалоги на пленку.

Реакция была ужасной и абсолютно непредсказуемой. Алексей Федорович непривычно для себя занервничал и закричал: «Убери это, убери». Я не сразу понял, с чем связана эта реакция. Более того, даже обиделся. Но потом сообразил, что это была естественная реакция на прошлое. Очевидно, мое напоминание о звукозаписи напомнило Лосеву о допросах, которым он подвергался во время заключения. С тех пор Лосев звукозаписывающим аппаратам не доверял. Поскольку зрение у него было плохое, все его работы записывала жена Аза Алибековна Тахо-Годи и переписывали секретари. В результате из наших диалогов ничего не получилось. После этого, уберегая Алексея Федоровича от неприятных воспоминаний, я не делал попыток

записать наши разговоры. Я знаю, что после меня у Лосева появились и другие помощники, которые продолжили мою попытку записать беседы с Лосевым, которые, на мой взгляд, оказались крайне неудачными, не имеющими никакого отношения к философии. Но я могу восстановить наши разговоры с ним только по памяти. Больше всего они касались воспоминаний о выдающихся русских мыслителях эпохи «религиозного ренессанса».

Лосев был замечательной и цельной личностью, с гениальной памятью, огромной эрудицией, с живым интересом к науке, искусству, музыке. В нем было что-то монументальное, скульптурное. Не случайно он часто обращался к себе в третьем лице. Он говорил: «Вячеслав, знаешь, что Лосев думает по этому поводу?». Он любил иронизировать, и не только над другими, но и над самим собой. Лосев был знаком с романтической иронией не только в теории, но и на практике.

Я старался знакомить Лосева со своими друзьями и знакомыми, приводил к нему в дом психолога В.В. Давыдова, литературоведа П.А. Палиевско-го. Последний заказал Лосеву статью о символе в редактируемый им журнал «Контекст», из которой в последующем выросла целая книга. Лосев безумно любил музыку, в особенности Рихарда Вагнера. В 50–60-х годах в Москве было невозможно найти записи вагнеровских опер. Неожиданной страстью воспылил к Вагнеру Эвальд Ильенков, который собрал записи всего «Кольца Нибелунгов». Он записывал их на тысячеметровых бабинах, и давал их переписывать другим, в том числе и мне. Тогда я познакомил Лосева с Ильенковым, и приводил его на квартиру Эвальда Васильевича для вагнеровских слушаний. Квартира Ильенкова превращалась в Байрет на улице Горького, что у почтамта. Мы слушали Вагнера за полночь. Помню, с каким восторгом Лосев слушал эту музыку. Когда мы возвращались домой на Арбат пустынными переулками Москвы, Лосев громко напевал основные лейтмотивы музыки Вагнера.

Другой его страстью было собирание книг. На книги уходили все профессорские заработки. В результате Лосев собрал замечательную библиотеку в добавлении той, что осталась после бомбежки во время войны. Лосев говорил: «Книги я люблю, Я не всегда их читаю, но знаю, на каком месте, на какой полке каждая из них стоит». Он буквально заболел, если обнаруживал, что книга исчезла с отведенного ей места. В собирании книг он проявлял страсть и энергию настоящего букиниста.

Говоря о своих любимых книгах, Лосев выделял три, которые считал лучшими. Это «Петербургские ночи» В.Одоевского, «Рождение трагедии из духа музыки» и «Закат Европы» О.Шпенглера. Лосев часто цитировал в своих работах Ницше, широко использовал его идею об „аполлоновском” и „дионисийском” началах в искусстве.

Я знал Лосева и дружил с ним много лет. Очень жалею, что наша дружба так неожиданно и печально кончилась. Но причины были чисто идейные,

мы разошлись с ним из-за оценки и интерпретации эпохи Возрождения. Для издательства «Искусства», с которым я долго и плодотворно сотрудничал, я подготовил антологию в двух томах – «Эстетика Ренессанса». Правда, я планировал издать ее в трех томах, материал для этого был, но для этого нужно было специальное разрешение в ЦК КПСС. Пришлось ужать книгу до двух томов. Я предложил Алексею Федоровичу написать предисловие к этой книге и надеялся, что он это сделает лучше, чем кто-либо иной. Для этого я приносил ему новые книги о Ренессансе, читал ему мои рефераты зарубежных авторов. Как я убедился, Лосев совершенно не знал современной литературы о философии и культуры Возрождения. Последнюю книгу, которую он прочел на эту тему, была «Культура Италии эпохи Возрождения» Якоба Буркхарда. Поэтому я стремился, чтобы вступительная статья к книге, которую я составил, была, как и большинство работ Алексея Федоровича, академической, с анализом всех сторон многообразной культуры Ренессанса и обзором новейших теорий в этой области. Я полагал, что после издания этой антологии написать свою книгу «Эстетика Возрождения», на что у меня уже был договор с издательством «Искусство», о чем Лосев хорошо знал. Часть книги была уже написана, некоторые ее будущие разделы были опубликованы.

Но мои планы были нарушены и, в конце концов, привели к разрыву наших отношений. Однажды, придя к нему в гости, я увидел в его руках его собственную, только что изданную книгу в издательстве «Мысль», «Эстетика Возрождения». Оказалось, что пока я подготавливал его к написанию предисловия к моему двухтомнику, над которым я еще работал, он тайно написал свою собственную книгу, ничего мне об этом не сказав.

Не берусь судить, насколько это было этичным. Лосев знал, что в советское время нельзя было выпускать две книги на одну и ту же тему, тем более, что Лосев использовал название моей планируемой книги. Выпуская свою книгу, он отнимал у меня возможность публикации уже подготовленной рукописи. В результате мне пришлось надолго спрятать мою собственную работу. Только через четверть века я решился, переработав, представить ее в издательство³. Конечно, Лосев поступил по отношению ко мне не по-дружески. Но я не обиделся на него, понимая, что ему, как старшему и заслуженному человеку, надо было уступить дорогу. Поэтому я не сказал ему ни слова и не упрекнул его.

Это был настоящий шок, на этом дело не кончилось. Второй шок случился, когда я получил от Лосева его статью к моей антологии «Эстетика Ренессанса». Она не имела ничего общего с книгой, которую она должна была представлять, и она была написана не академически, а скорее в игри-вом, «розановском» стиле.

³ В. Шестаков, Философия и культура эпохи Возрождения, СПб., 2007.

Об этой злополучной статье ходят самые различные легенды. Василий Васильевич Соколов, мой преподаватель на философском факультете в беседе с составителем книги «Философский факультет МГУ им. Ломоносова. Страницы истории» излагает следующую версию. «Историки и эстетики Ренессанса собрали и перевели очень хороший двухтомник «Эстетика Возрождения». Два тома страниц по 400–500. И почему-то, это не очень ясно, заказали предисловие А.Ф. Лосеву объемом в четыре листа. Алексей Федорович диктует, а когда диктуешь, это ведь совсем другое, чем писать: в общем, написал он 16 листов. Искусствовед-ренессанист член-корреспондент РАН В.Н. Гращенков написал резко отрицательную рецензию. Алексей Федорович, как говорят, не растерялся, к 16 листам он прибавил еще листов 30 и представил книгу в издательство «Мысль», его авторитет был уже велик и его издали. Историки-ренессанисты очень ее критиковали». Если бы она была бы опубликована, ее критиками оказались не только Гращенков, но и все историки и теоретики Возрождения⁴.

К сожалению, Василий Васильевич искажает все факты, связанные с этой статьей. Очевидно, он пересказал историю, придуманную Азой Алибековной. Во-первых, собрал и издал книгу один человек – В.П. Шестаков. Это значится на титуле книги и странно, что Соколов моей фамилии почему-то не упоминает. Во-вторых, были все основания довериться написанию предисловия именно А.Ф. Лосеву, а ни кому-нибудь другому. Лосев интересовался неоплатонизмом, и у него было издание книги Николая Кузанского, связанного с Возрождением. В-третьих, свою книгу он написал и издал в 1978 году, за три года до выхода антологии. Предисловие писалось уже после выхода книги «Эстетика Ренессанса». Поэтому никаких 16 листов он в издательство «Искусство» не представлял, а написал небольшое эссе на 2=3 авторских листах, в котором был только один тезис: «Ренессанс – это неоплатоническая эстетика, и эстетический неоплатонизм». Кроме этой спорной тавтологии, в статье ничего не было. Это был второй шок, который я испытал. Я обратился к Лосеву, и попросил его переделать статью, так как она не может быть ни по своему жанру, ни по содержанию предисловием к антологии, в которой, помимо неоплатонизма, были представлены аристотелизм, пифагореизм, стоицизм и другие философско-эстетические направления. Лосев отказался переделывать статью. Как показывает его книга, он вообще отрицательно относился к эпохе Возрождения и видел в ней только «обратную сторону». Пришлось отправить ее на рецензию Гращенкову, который читал на факультете курс историографии культуры Возрождения. Рецензия была уничижительной.

⁴ Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова: страницы истории / МГУ, М., 2011, с. 384.

В результате, я оказался без обещанного мне компетентного и научного предисловия. Мне было неприятно и трудно отказывать Лосеву в публикации, о которой я сам его просил. Но, как говорится, «Платон мне друг, но истина мне дороже». Я мог бы сам написать такое предисловие, но тогда оказалось бы, что я «подсидел» Лосева и снял его статью, чтобы написать свою. Я ограничился кратким Ведением к книге. Я честно исполнил просьбу Алексея Федоровича, я вернул себе рукопись, не оставив не одной копии себе. И я не сохранил отзыва Гращенкова, который был адресован не мне, а автору статьи. Но тогда я полагал, что речь идет о научной дискуссии, а не столкновении личностей. По наивности, я ошибался.

Я считал, что спас Лосева от позора. Его вступительная статья, написанная к моей антологии по Ренессансу, оказалась вне критики. Она бы породила десятки отрицательных отзывов вроде того, который был написан Гращенковым. Ведь была лишена всякой логики, научного аппарата, какой-либо связной концепции. Казалось, что эту статью написал не Лосев, а кто-либо другой. Если бы она была бы опубликована, ее критиками оказались не только Гращенков, но все историки и теоретики Возрождения. Та критика, которую вызвала в научных кругах его книга «Эстетика Ренессанса» была вполне объективной и уважительной, и не хотелось подвергать пожилого, заслуженного человека дальнейшей экзекуции. Я вынужден был вернуть Лосеву его статью, высказав откровенно мои к ней претензии. Но Алексей Федорович критики уже не принимал. Он обиделся и с этого момента порвал со мной дружеские отношения. Примерно тоже произошло до того с Марком Туоровским, которого Лосев при мне распекал как своего злейшего врага. Из категории близких друзей я был объявлен личным врагом, правда, не самим Лосевым, а его женой Тахо-Годи. Так кончилась наша дружба. Я полагаю, что Лосев уже не нуждался во мне. Запрет на его работы был снят, популярность его книг росла, и добровольные помощники, как я, ему были уже не нужны.

Сегодня, меня часто связывают с Лосевым, называют его учеником. Думаю, что это не так. Моим учителем был В.Ф. Асмус, у которого я учился в университете. Сбылись его предсказания, о которых Валентин Федорович говорил мне, когда я вез его в такси из Переделкино в редакцию «Философской Энциклопедии», где обсуждалась выдвинутая на конкурс статья Лосева «Диалектическая логика». Асмус сказал: «Я знаю, кто автор статьи, подписанной псевдонимом – это Лосев. Я очень уважаю Алексея Федоровича и буду голосовать за него. Но должен сказать, что если бы Лосев вдруг стал папой Римским, то все мы превратились бы в еретиков». Я был озадачен этой фразой моего учителя. Теперь я хорошо понимаю ее правомерность.

Правда, с А.Ф. Лосевым у меня есть много общего. Это – мой интерес к неоплатонизму, хотя не к античному, как у Лосева, а к ренессансному. Ведь я впервые издал самого крупного теоретика неоплатонизма, главу зна-

менитой академии Платона во Флоренции Марсилио Фичино. И, конечно же, общим был интерес к категориям, благодаря чему мы и написали с ним книгу «Историю эстетических категорий». Это единственная книга, которую Лосев написал в соавторстве. Но мне было далеко до его идеалистических построений. Школа, из которой я вышел, была сугубо материалистической, хотя в ней было много место для идеального. Если верить известным рассказам о Лосеве, был единственным идеалистом в стране и Сталин, спросив, сколько у нас идеалистов в стране и, узнав, что только один, – приказал Лосева не трогать. Не знаю, правда это или вымысел. Во всяком случае, об этой истории повествует в своей книге о Лосеве А.А. Тахо-Годи.

Несмотря на расхождения в понимании и оценке Возрождения, о чем я пишу только сейчас, я признаю огромную заслугу А.Ф. Лосева в развитии отечественной философии, его огромный вклад в эстетику. Как и у каждого мыслителя у Лосева были свои подъемы и спады, свои достоинства и недостатки. Да он и сам никогда не относился к себе, как к иконе, на которую надо молиться. Далеко не во всем с ним можно соглашаться, что не умаляет его неоспоримых достоинств и несомненных заслуг. Конечно работы 20-х годов намного выше и содержательнее, чем работы, написанные в 60-х годах. В них сказалось стремление адаптироваться к вульгарному марксизму, неумеренное цитирование работ Ленина и Сталина.

Жизненная судьба Алексея Федоровича была трагичной. Он был человеком Серебряного века, волею случая и сложных исторических катаклизмов, оказавшимся в стальном веке, символом которого был Сталин и сталинизм. Из этих катаклизмов А.Ф. Лосев вышел победителем и как человек, и как мыслитель. Я уверен, что его философское наследие будет изучаться еще долгое время. Но вокруг его имени создается миф, который искажает его образ. Становится неясным, кто был Алексей Федорович Лосев – самым трезвым и рационалистически мыслящим философом XX века (таким он остается в моей памяти), или теологом, принявшим монашеский постриг человеком, который всю жизнь скрывал свою тягу к мистицизму. Таким его рисуют многие современные комментаторы. Так что суть философского наследия А.Ф. Лосева остается тайной и, по-видимому, эту тайну будут разгадывать не одно десятилетие.

[знаков 33 985]

Rozmowy z Aleksym Fiodorowiczem Łosiewem

abstrakt

Autor w formie wspomnienia o przyjacielu prezentuje postać i dokonania rosyjskiego filozofa, znawcy antyku i muzykologa Aleksyjeja Fiodorowicza Łosiewa (1893–1988). Pisze o ich spotkaniu i pierwszych latach przyjaźni, wspólnych dyskusjach filozoficznych i współpracy naukowej. Przywiązuje dużą uwagę do samej prezentacji osoby filozofa, jego kolejach losu, zainteresowaniach

a także jego miłości do książek i gromadzonej biblioteki. A.F. Łosiew w jego opinii to jeden z ostatnich przedstawicieli tzw. srebrnego wieku kultury rosyjskiej. Nazwisko Łosiewa widzi on obok takich rosyjskich myślicieli jak Władimir Sołowiew (+1900), Sergiej Bułhakow (+1944), Mikołaj Bierdiajew (+1948). We wspomnieniach zostaje przekazana atmosfera intelektualna oraz towarzyska w rosyjskich kręgach akademickich w czasach stalinizmu. Autor pisze także o powodach ochłodzenia ich wzajemnych kontaktów oraz zerwaniu łączących ich więzi intelektualnych.

słowa kluczowe: antyk, odrodzenie, filozofia, historia, przyjaźń, książka

ключевые слова: античность, возрождение, философия, история, дружба, книга

Conversations with Aleksei Feodorovich Losev

Abstract

The author depicts the character and the achievements of the Russian philosopher, scholar on antiquity and musicologist Aleksei Fedorovich Losev (1893–1988) in the form of the reminiscences about a friend. He writes about their acquaintance and first years of their friendship, common philosophical discussions and scientific cooperation. He pays special attention to the presentation of the personality of the philosopher, his turns of fate, his interests and his book addiction and his library. In his opinion A.F. Losev is the last representative of the era of so called Silver Age of Russian culture. The name of Losev is located in the same row as the names of such Russian thinkers as Vladimir Solovyov (+ 1900), Sergiej Bulhakov (+1944), Nikolai Berdyaev (+1948). The reminiscences show us the intellectual and friendly ambience in the Russian academic circles during the times of Stalinism. The author also writes about the reasons of cooling down the mutual contacts and break-off of their intellectual bonds.

keywords: antiquity, renaissance, philosophy, history, friendship, book

Библиография

Лосев А.Ф. 1962. „Предисловие”. W Хюбшер А., *Мыслители нашего времени*. Москва. Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова: страницы истории. Москва: МГУ 2011.

Шестаков В. 2007. *Философия и культура эпохи Возрождения*. Санкт-Петербург.